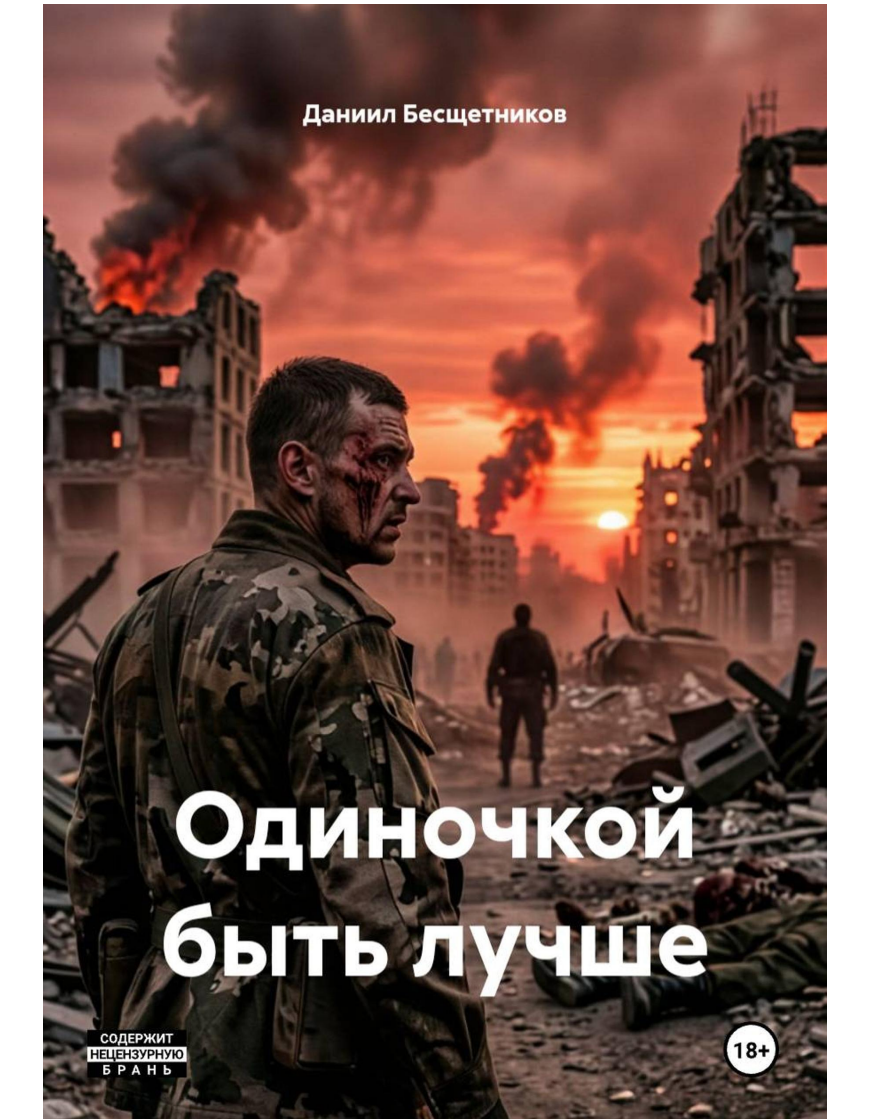

The background of the poster is a dramatic, apocalyptic scene of a city in ruins. In the foreground, a soldier in a camouflage uniform is shown in profile, looking towards the right. He has a bloody wound on his forehead. In the background, a lone figure stands in the distance amidst the rubble, with a bright, low sun or explosion on the horizon casting a long, orange glow. Thick black smoke billows from the burning ruins of buildings.

Даниил Бесщетников

Одиночкой быть лучше

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Бесщетников

Одиночкой быть лучше

<https://litres.ru/74578502>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Соколов, человек, которого предала его же команда и оставила медленно умирать истекая кровью. Но каким-то чудом он выжил.

Теперь у него только одна цель- это месть. И месть эта будет жестокой.

Даниил Бесщетников

Одиночкой быть лучше

Пролог

Вы когда-нибудь чувствовали, как рвётся душа? Не метафорически, по-настоящему, на физическом уровне, когда предательство пронзает вас раньше, чем пуля? Холодное лезвие ножа в спине - это почти милосердие по сравнению с осознанием, что этот нож вонзил тот, кому ты доверял свою жизнь. Яд предательства растекается по венам гораздо медленнее крови, он отравляет каждую клетку, каждое воспоминание, каждый совместно прожитый день. Если вы никогда не испытывали этого, то молитесь, чтобы и не испытывать. Хотя, в этом мире молитвы давно никто не слышит.

Десять лет назад планета Земля стала почти непригодной для жизни. Не из-за стихийных бедствий или каприза природы, а из-за амбиций горстки людей, возомнивших себя богами. Правители разных стран развязали войну, которая за три недели уничтожила 97% населения. Ядерные грибы расцвели над мегаполисами, словно чудовищные цветы смерти, а радиоактивный пепел засыпал поля, реки и надежды выживших. Те, кто уцелел, быстро поняли: главный враг теперь не радиация и не голод, а другие выжившие.

Я смог выжить. Мне повезло - или не повезло, это как по-

смотреть. Четыре года я скитался по выжженным пустошам, питаюсь консервами из разграбленных бункеров и фильтрую воду через самодельные угольные установки. А потом я решил собрать на руинах старого мира команду, считай семью

Три года мы жили как семья. Делили последнюю банку тушёнки на семерых, укрывали друг друга от радиоактивных ливней, вытаскивали из передраг, из которых поодиночке не выбрался бы никто.

Я знал их страхи, их мечты, их шрамы на теле и душе.

Я верил каждому из них.

Я ошибался.

Задание от поселения выживших в Иркутске звучало просто: разведать активность банды, обосновавшейся в руинах Ангарска, и по возможности ликвидировать их главаря. За это нам обещали годовой запас медикаментов и доступ к подземному источнику чистой воды - неслыханное богатство по нынешним временам. Мы готовились неделю: проверяли оружие, распределяли припасы, отработывали пути отхода. Я помню тот вечер перед выходом, мы сидели у костра в заброшенном депо, и команда все время говорила о том, как мы заживём, когда получим награду. Кто-то смеялся, кто-то ворчал о беспечности, а я смотрел на них и чувствовал то, что, наверное, называют счастьем.

Вылазка пошла не по плану с самого начала. Данные разведки оказались катастрофически неверными: вместо небольшой группы мародёров мы столкнулись с хорошо ор-

ганизованным отрядом из тридцати человек. У них были пулемёты, гранаты и даже армейский бронетранспортёр, приспособленный для передвижения по руинам. Они ждали нас.

Бой начался внезапно, первая же очередь прошила воздух там, где секунду назад стоял я. Мы рассредоточились за бетонными обломками, отвечая короткими очередями. Визг рикошетов, грохот взрывов, крики раненых - всё это смешалось в оглушительную какофонию. Я прикрывал отход товарища, когда первая пуля ударила в живот. Тупая, невыносимая боль, заставившая согнуться пополам. Вторая вошла ниже рёбер, разрывая внутренности. Третья раздробила бедренную кость, и я рухнул лицом в радиоактивную пыль, захлёбываясь кровью и болью.

Я видел, как они переглянулись. Видел этот взгляд - быстрый, почти неуловимый обмен пониманием между теми, кого считал братьями и сёстрами. Один из них что-то коротко бросил остальным, и они начали отходить. Сначала они забрали мой автомат - просто выдернули из ослабевших пальцев, даже не взглянув в глаза. Потом сняли с моего пояса подсумок с патронами. Через две минуты меня оставили истекать кровью на грязном бетоне, без оружия, без надежды, без единого шанса.

Я кричал им вслед проклятия. Такие грязные, чёрные слова, которые, наверное, не произносили даже те, кто начал ядерную войну. Я желал им смерти, мучительной, долгой, такой же, какой умирал сам. Они уходили, не оборачиваясь,

а мой голос слабел с каждым словом. Боль начала отступать, а это плохой признак. Организм сдавался. В глазах мутнело, краски мира тускнели, звуки становились глуше. Я слышал, как бандиты переругиваются неподалёку, спорят, добить меня сейчас или оставить подыхать. Сознание ускользало, и последняя мысль была почти умиротворённой: «Ну вот и всё. Мама, Папа, я иду к вам».

Глава 1. Новое начало

Я умер? Странно, но боль никуда не делась - тупая, пульсирующая, напоминающая о себе при каждом вдохе. Медленно, преодолевая сопротивление налитых свинцом век, я открыл глаза. Мир расплывался мутными пятнами, постепенно обретая очертания. Небольшая комната, освещённая лишь тусклым огоньком керосиновой лампы. Письменный стол, заваленный какими-то бумагами. Стул с потрескавшейся деревянной спинкой. Платяной шкаф, старый и раскошавшийся. Стены из грубого камня, покрытые пятнами влаги и мха. Я в подвале? В пещере? В могиле?

За дверью раздались шаги - размеренные, уверенные, неторопливые. Кто-то приближался. Инстинкт, выработанный годами выживания, сработал быстрее разума: я сомкнул веки и замер, восстанавливая картину по звукам. Скрип дверных петель. Шаги уже в комнате. Остановились прямо надо мной. Запах - странная смесь металла, старой ткани и каких-то трав.

- Можешь не притворяться, - произнёс голос. Спокойный,

с лёгким акцентом. - Я видел, как ты очнулся. Сознание возвращается к тебе уже несколько минут.

Я открыл глаза и встретился взглядом с человеком, которого меньше всего ожидал увидеть в радиоактивных пустошах Сибири. Передо мной стоял японец. Настоящий. Не метис, не потомок эмигрантов - в его чертах читалась чистая, древняя кровь страны, которую, по слухам, стёрли с лица земли в первые дни войны. На него было сброшено больше боеголовок, чем на любую другую нацию - мечь за старые обиды, помноженная на страх перед технологическим превосходством. Я был уверен, что японцев не осталось в мире. Но вот он стоит, в тёмно-синем кимоно с серебряной вышивкой, с катаной на поясе, с собранными в хвост седыми волосами и длинной, ухоженной бородой. Его глаза смотрели на меня с внимательным, изучающим спокойствием.

- Кто... кто вы? - слова давались с трудом, горло саднило от сухости. - Где я нахожусь? Что произошло?

- Не перенапрягайся, - он придвинул стул к моей кровати и сел, сложив руки на коленях. - Меня зовут Фудо Такахаси. Ты в моём убежище, примерно в двадцати километрах к востоку от Ангарска. Я нашёл тебя среди трупов на том заводе. Бандиты спорили, добить тебя или оставить на потеху радиоактивным мутантам. Их спор я разрешил быстро. Семейных убил сразу, восьмого допросил. Твоих товарищей среди них не было, они успели уйти.

Я молчал, переваривая информацию. Незнакомец спас

меня, перебив целую группу вооружённых мародёров, и теперь сидит передо мной так, будто обсуждает погоду.

- У меня к тебе вопрос, - продолжил Такахаси, и его тон стал жёстче. - Почему ты пошёл без оружия, в одиночку, против двадцати вооружённых бандитов? Самоубийство? Глупость? Или тебя кто-то заставил?

- Не в одиночку, - выдавил я, чувствуя, как вместе со словами поднимается из глубины души горькая желчь. - Я был с командой. Задание - ликвидация главаря банды. Но по прибытии мы попали в засаду. Данные разведки оказались ложными. В ходе перестрелки я получил три пулевых ранения. Два в живот, одно в бедро. И тогда мои товарищи, мои «друзья», моя «семья» - забрали моё оружие, мои припасы, мои медикаменты и ушли. Просто развернулись и исчезли, оставив меня истекать кровью на грязном бетоне.

Я замолчал, чувствуя, как ненависть сжимает горло сильнее, чем любая физическая боль.

- Эти твари не заслуживают жизни, - произнёс я тихо, почти шёпотом. - Я найду их. Я убью их всех. Медленно. Чтобы они чувствовали то же, что чувствовал я. Чтобы они молили о смерти так же, как молил я. Я не хочу обременять вас своим присутствием. Как только смогу стоять на ногах, то покину ваше убежище.

Такахаси выслушал меня молча, ни разу не перебив. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глубине тёмных глаз мелькнуло что-то похожее на понимание.

- Тебя предали, - сказал он наконец. - Я читаю это в твоих глазах, в твоём голосе, в дрожи твоих пальцев. Я видел такой взгляд раньше. Много раз. В зеркале. Я знаю, что ты собираешься делать. И я предлагаю тебе помощь.

- Помощь? - я усмехнулся, и усмешка вышла горькой. - С чего бы вам помогать мне? Вы меня не знаете. Я для вас никто. Или вы хотите что-то взамен?

- Ничего, - ответил он просто. - Совершенно ничего. Я помогаю, потому что могу. За десять лет, что я странствую по этим мёртвым землям, я спас множество людей. Но лишь немногих я звал в ученики. У тебя есть то, что встречается редко - воля. Я вижу её. Она горит в тебе, несмотря на боль, несмотря на предательство, несмотря ни на что. Оставайся здесь. Учись у меня. Я обучу тебя боевым искусствам, владению холодным оружием, тактике скрытного боя. Всему, что поможет тебе осуществить задуманное.

Я долго смотрел на него, пытаюсь найти подвох. В мире, который пережил ядерную войну, никто ничего не делает просто так. Альтруизм вымер вместе с цивилизацией. Но в глазах старика не было лжи. Или он был настолько хорошим актёром, что распознать обман не смог бы никто.

- Хорошо, - сказал я наконец. - Я согласен.

Такахаси приподнял бровь, явно удивлённый столь быстрой капитуляцией.

- Я ожидал большего сопротивления или хотя бы вопросов.

- Вопросов у меня много. Но ответы могут подождать. Я хочу одного, мести. Если вы можете научить меня делать это эффективно, то я готов учиться.

- Тогда слушай моё первое правило, ученик, - старик поднялся со стула и направился к двери. - Мсть - это не цель. Это побочный эффект дисциплины. Запомни это. Через неделю, когда твои раны затянутся, мы начнём тренировки. А пока отдыхай и набирайся сил, они тебе понадобятся.

Он вышел, оставив меня наедине с мыслями и тусклым светом керосиновой лампы. Незнакомец - нет, теперь уже учитель, спас меня, предложил кров и обучение. Зачем? Какова его настоящая цель? И почему японец, переживший уничтожение своей страны, так свободно говорит на русском? Ответов пока не было. Но я знал одно: когда мои раны заживут, я начну путь к своей мести. И я знал, где искать предателей, они шли на Сахалин, к побережью, где, по слухам, существовало крупное поселение выживших. Долгий путь. У меня будет время подготовиться.

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ

Утро началось с привычной боли - тупой, фоновой, ставшей за последние дни почти родной. Раны затянулись на удивление быстро; то ли у старика были хорошие медикаменты, то ли мой организм цеплялся за жизнь с отчаянием обречённого. Я стоял на небольшой поляне, окружённой мёртвым лесом. Деревья здесь были не зелёными, а серыми, мутировавшими, искореженными радиацией, но всё ещё жи-

выми в своём уродливом существовании. Небо над головой было затянуто вечной свинцовой пеленой, сквозь которую даже в полдень пробивался лишь призрачный, болезненный свет.

Одели меня в то, что Такахаси смог найти в своих запасах. свободные серые штаны из плотной ткани, чёрную футболку с длинным рукавом и лёгкие кеды. Странно, обувь была почти новой, моего размера. То ли у старика был настоящий склад трофейного имущества, то ли... впрочем, я решил не задавать лишних вопросов.

Сенсей стоял напротив меня и что-то записывал в небольшой кожаный блокнот. Он был одет в то же кимоно, что и при нашей первой встрече, но теперь я замечал детали: потёртости на рукавах, аккуратно заштопанные разрезы, выцветшие участки ткани. Одежда была старой. Очень старой. Как и её владелец.

Через пять минут ожидания он убрал блокнот во внутренний карман и поднял на меня взгляд.

- Сегодня у нас большой план, - произнёс он. Голос звучал буднично, словно мы обсуждали список покупок, а не тренировку, которая изменит всю мою жизнь. - Я оценю твои текущие физические кондиции, выносливость, скорость реакции и болевой порог. К концу дня составлю индивидуальный график тренировок. Ты готов?

- Готов, - кивнул я, хотя внутри шевельнулось смутное беспокойство.

- Тогда не будем терять время. Разминка: сто отжиманий, сто приседаний и три километра бега. Вперёд.

То, что последовало за этими словами, я не могу назвать иначе как адом. Но адом целенаправленным, продуманным, методичным. Такахаси гонял меня до состояния, когда лёгкие горели огнём, а мышцы отказывались подчиняться. Он не кричал и не угрожал, он просто спокойно говорил «продолжай», и в этом спокойствии было больше власти, чем в любых угрозах. Когда я падал без сил, он давал мне ровно тридцать секунд на восстановление и снова командовал начинать. На второй час тренировки я возненавидел его. На третий, возненавидел себя. На четвёртый, перестал чувствовать вообще что-либо, превратившись в механизм, выполняющий приказы.

Особенно тяжело давались спарринги. Если физические упражнения просто изнурили, то учебные бои были откровенным избиением. Сенсей двигался с грацией, которую я раньше видел только в фильмах о боевых искусствах. тех фильмах, что крутили до войны, когда ещё работало электричество и существовали кинотеатры. Его удары были точны и безжалостны. Он не калечил меня всерьёз, но каждое попадание оставляло синяк размером с кулак. Через неделю моё тело превратилось в сплошной сине-фиолетовый узор. Через месяц синяки начали появляться реже, я учился уклоняться. Через три, я уже мог продержаться против него целых тридцать секунд, и это казалось огромной победой.

Были и другие уроки. Такахаси учил меня японским традициям, не просто формальностям, а глубинному смыслу, стоящему за каждым жестом и ритуалом. Я учился есть палочками, правильно сидеть в сэйдза, складывать одежду и оружие. Учился медитировать перед тренировкой и после неё, очищая разум от лишних мыслей. За каждую ошибку следовало наказание, удар бамбуковой тростью по плечам или спине. Не больно в физическом смысле, а больно в смысле унижения, которое я, как выяснилось, переносил гораздо хуже.

- Твоя гордость - твой главный враг, - говорил сенсей после очередного такого наказания. - Гордость заставляет недооценивать противника. Гордость ослепляет. Гордость убивает. Запомни это, ученик.

Я запоминал. Я впитывал каждое слово, каждое движение, каждый урок, потому что знал, это единственный путь к моей цели. Месть стала для меня не просто желанием, а религией. Я представлял лица предателей каждую ночь перед сном и каждое утро после пробуждения. Я прокручивал в голове их смерть десятками разных способов, и это давало мне силы подниматься с кровати и идти на очередную изнурительную тренировку.

Через полгода Такахаси объявил, что мне предстоит испытание.

- Ты неплохо освоил базовые техники, - сказал он, стоя у стола с разложенным на нём оружием. - Но тренировка от-

личается от реального боя, как детский рисунок от картины мастера. Сегодня ты вернёшься туда, где чуть не умер. В лагерь бандитов. И покажешь, чему научился.

Я молча кивнул и начал собираться. Учитель разрешил мне выбрать оружие, но поставил условие: никакого огнестрела. Только катана, только армейский нож, только мои навыки. Я надел тёмную, не отражающую свет одежду, которую сшил сам под его руководством, проверил крепление клинка и выдвинулся в путь.

Дорога до алюминиевого завода заняла всего двадцать минут. Полгода назад этот же путь я преодолел бы за час с лишним, постоянно останавливаясь, чтобы перевести дух. Теперь же мои ноги, привыкшие к двадцатикилограммовым утяжелителям, которые сенсей запрещал снимать даже во время сна, несли меня с лёгкостью, почти невесомостью. Лес мелькал мимо серыми стволами, и я чувствовал себя хищником на охоте.

Лагерь предстал передо мной во всей своей уродливой функциональности. Алюминиевый завод, огромное трёхэтажное здание с выбитыми окнами и закопчёнными стенами, был окружён бетонным забором, укреплённым мешками с песком и самодельными сторожевыми вышками. Шесть вышек. На каждой по двое часовых. Значит, двенадцать целей по периметру. Плюс неизвестное количество внутри. Минимум тридцать человек - это если верить разведанным, которые в прошлый раз чуть не стоили мне жизни.

Я спрятался за толстым стволом мутировавшего дерева и оценил ситуацию. Время работало на меня: начинало смеркаться, и тени удлинялись, создавая естественное укрытие. Я достал нож из ножен, прикинул расстояние до ближайшей вышки. Метров пятнадцать. Ветер северный, слабый, поправка минимальная. Сенсей учил меня метать ножи сот-ни раз, пока я не начал попадать в монету с двадцати шагов. Пора проверить этот навык в реальном бою.

Бросок, первый часовой оседает без звука, нож торчит точно из глазницы. Я перемахнул через забор в три движения, используя выступы бетона, и приземлился с той стороны бесшумно. Тело второго часового ещё не начало падать, когда я перерезал ему горло. Всё заняло меньше пяти секунд. Двое готовы. Осталось как минимум двадцать восемь.

Тревогу подняли только через десять минут, когда я уже проник в главное здание и успел снять ещё пятерых. Сирена, ручная, с динамомашиной, взвыла над заводом, заставив меня усмехнуться. Хорошо. Пусть бегут, пусть суетятся. Страх делает людей глупыми, а глупых людей убивать легче.

То, что последовало дальше, сложно назвать боем. Это была бойня. Бандиты, привыкшие полагаться на численное превосходство и грубую силу, оказались совершенно не готовы к противнику моего уровня. Они бросались на меня толпами, мешая друг другу, размахивая ножами и дубинками, в то время как я двигался среди них словно тень. Катана пела в моих руках, оставляя за собой кровавые дуги. Отруб-

ленные конечности, распоротые животы, раскрытые черепа, всё смешалось в один непрерывный поток движения и смерти. Я не чувствовал ни страха, ни ярости, ни удовлетворения. Только холодную концентрацию, которую так долго вбивал в меня сенсей.

Через полчаса всё было кончено. Я стоял посреди главного цеха, окружённый тем, что раньше было людьми, а теперь стало просто биологической массой. Запах крови и внутренностей стоял такой густой, что его, казалось, можно было потрогать руками. Где-то капала вода из проржавевшей трубы, и этот размеренный звук был единственным, что нарушало мёртвую тишину.

Почти единственным. Потому что один противник ещё оставался жив.

Он стоял спиной к стене в дальнем конце цеха, судорожно сжимая в руках охотничий нож. Совсем молодой парень, лет двадцати, не больше. Его лицо было белым как мел, а глаза безумно метались по помещению, пытаясь осознать масштаб произошедшего. Он видел, как я расправился с его товарищами. Видел каждую смерть и теперь ждал своей очереди.

Я медленно подошёл к нему, остановился в трёх шагах. Посмотрел на катану, клинок был покрыт кровью до самой рукояти. Затем, не торопясь, аккуратно положил оружие на бетонный пол. Встал в боевую стойку и сказал спокойным голосом, тем самым, которым сенсей обычно отдавал мне приказы:

- Нападай.

Парень колебался несколько секунд, которые, наверное, показались ему вечностью. Затем, издав какой-то отчаянный, полузадушенный крик, рванулся вперёд с ножом. Я уклонился легко, почти лениво. Колено вонзилось ему в солнечное сплетение, заставив согнуться пополам. Противник рухнул на колени, хватая ртом воздух, а я сделал короткий шаг вперёд и обрушил ногу сверху. Хруст черепа прозвучал в тишине как выстрел. Тело завалилось набок, дёрнулось пару раз в конвульсиях и затихло.

Я подобрал катану, тщательно вытер клинок об одежду одного из трупов и пошёл к выходу. Испытание закончилось. Я выжил. Я победил. Но, как ни странно, никакого ликования не было. Только усталость. Только голод. И только мысли о том, что предатели, укравшие мою жизнь, всё ещё дышат где-то там, на пути к Сахалину.

ЧАС СПУСТЯ

- Ты справился, - Такахаси сидел за своим столом, подперев подбородок рукой. Керосиновая лампа освещала его морщинистое лицо, отбрасывая причудливые тени на каменные стены. - Я наблюдал издали. Твоя техника всё ещё несовершенна, но в целом достойно.

Я стоял перед ним, всё ещё в пропитанной чужой кровью одежде, чувствуя, как адреналин медленно покидает тело, оставляя после себя свинцовую тяжесть в мышцах.

- Было одно замечание, - продолжил старик, и его голос

стал строже. - Ты использовал нож, метнув его в часового. Мы договаривались - никакого метательного оружия. Только катана и рукопашный бой.

- Прошу прощения, сенсей, - я склонил голову. - По-другому было нельзя. Если бы я атаковал людей на вышках в лоб, тревогу подняли бы раньше, и вся операция пошла бы иначе.

- Я знаю, - неожиданно усмехнулся Такахаси. - Именно поэтому я и не наказываю тебя. Ты использовал не огнестрельное оружие, а метательный нож, инструмент, который тоже требует мастерства. И ты применил его эффективно. В реальном бою, в отличие от тренировки, важна победа, а не чистота стиля. Ты меня понял?

- Да, сенсей.

- Отдыхай. Завтра продолжим тренировки. Твои настоящие враги ещё далеко и у тебя есть время стать сильнее.

Я поклонился и вышел. Через несколько минут я был уже в своей комнате, той самой, где очнулся после ранения. Дрожая от усталости руками достал из ящика стола старую, потрёпанную фотографию. Ту самую, которую носил с собой досамого Иркутска. Снимок был сделан несколько лет назад, после одной из особенно удачных вылазок. На нём стояла вся группа, а в центре — голубоглазый брюнет с широкой улыбкой на лице. Тот, кем я был. Тот, кого они оставили умирать.

Я долго смотрел на фотографию. Потом перевернул её. На обороте химическим карандашом было выведено: «Лучшая

команда. Вылазка №23. Мы справились».

Справились. Да, они справились. Справились без меня. Бросили истекать кровью и пошли дальше своей дорогой, как будто меня никогда и не было в их жизни.

Пламя лампы дрогнуло от сквозняка, и тени на стенах за- танцевали быстрее. Я аккуратно положил фотографию обратно в ящик, закрыл его и погасил свет.

Мсть - это блюдо, которое подают холодным. Но я не собирался ждать, пока оно остынет само. Я собирался заморозить его собственными руками. И когда мои бывшие товарищи увидят меня на пороге своего нового дома, там, на далёком Сахалине, они поймут, что ошиблись. Они поймут, что предательство не прощается. И они заплатят за свою ошибку самой страшной ценой, какую только можно вообразить.

Я заснул без сновидений, а наутро снова стоял на поляне, сжимая в руках катану, и слушал спокойный голос сенсея, отсчитывающего очередные сто ударов. До Сахалина было ещё далеко. Но я уже вышел на тропу войны.

Глава 2. Рыбный остров

Два года. Семьсот тридцать дней с того момента, как я, истекая кровью на грязном бетоне, впервые услышал спокойный голос Фудо-сенсея. Семьсот тридцать дней боли, пота и дисциплины, превратившей сломленного предательством человека в нечто иное, в нечто опасное. Я впитал каждую каплю знаний, которыми обладал старый мастер. Он научил

меня не просто убивать, он научил меня быть невидимым, чувствовать опасность затылком, читать людей по движениям зрачков и микромимике. Он выковал из меня оружие. И теперь этому оружию предстояло настигнуть свои цели.

«Команда» наверняка уже забыла меня. Похоронила в своей памяти под слоем новых забот, новых сделок, новых предательств. Два года достаточный срок, чтобы стереть из памяти лицо того, кого оставил подыхать. Тем лучше. Тем слаще будет их удивление, когда прошлое материализуется перед ними в виде клинка, вспарывающего горло.

Прощание с сенсеем вышло коротким, под стать всей нашей жизни последних двух лет. Мы стояли на той же поляне, где начались тренировки, только теперь серые деревья были припорошены радиоактивным пеплом, а ветер доносил с востока слабый запах гари. Такахаси выглядел постаревшим или мне просто казалось, потому что я впервые за долгое время посмотрел на него не как на непогрешимого мастера, а как на обычного человека.

- Ты готов, - произнёс он. Не вопрос, а утверждение. - Всё, чему я мог научить, ты усвоил. Остальное придёт с опытом, ну а если не придёт - тогда ты умрёшь.

- Я не умру, сенсей. Пока нет.

Он слабо усмехнулся в бороду и неожиданно отвесил мне два лёгких подзатыльника, совсем как в первые месяцы тренировок, когда я путал стойки или неправильно держал клинок.

- Это чтобы не зазнавался, - пояснил он. Затем, помедлив, отстегнул от пояса катану в потемневших от времени ножнах и протянул мне обеими руками. - Возьми. Это семейный клинок рода Такахаси. Ему больше трёхсот лет. Он прошёл со мной через войну, через радиацию, через смерть моей семьи и моей страны. Теперь он послужит тебе.

Я принял оружие с поклоном, чувствуя тяжесть не только металла, но и истории, вложенной в этот клинок. Слова благодарности застряли в горле — да они и не требовались. Мы оба понимали, что этот момент значит.

- Иди, - сказал старик. - И помни: месть это блюдо, которое подают холодным, но повар не должен замёрзнуть насмерть. Останься человеком. Хотя бы попытайся.

Я кивнул, развернулся и пошёл на восток, чувствуя спиной его взгляд. Он смотрел мне вслед, пока я не скрылся за серыми стволами мутировавшего леса. И только тогда, оставшись один среди мёртвых деревьев, я позволил себе на секунду прикрыть глаза и прошептать: «Прощайте, сенсей. И спасибо».

Байкал я обходил уже второй день. Озеро, когда-то бывшее жемчужиной Сибири, теперь представляло собой мрачное, свинцовое зеркало, отражающее такое же свинцовое небо. Вода в нём была чистой, радиация почти не тронула глубинные слои, но пить её без фильтрации всё равно означало медленное самоубийство. Тяжёлые металлы и радиоактивные изотопы никто не отменял.

Странников я обходил по широкой дуге, замечая следы и оставаясь невидимым. Два года тренировок не прошли даром, я двигался бесшумно, сливаясь с тенями, используя малейшие укрытия. Те, кто попадались мне на пути, даже не подозревали, что в сотне метров от них проходит человек. Но наблюдать за ними было полезно. Это давало информацию.

На удивление, эта часть России кишела жизнью. Если на западе, в европейской части, радиоактивные пустоши тянулись на сотни километров, а крупные поселения можно было пересчитать по пальцам, то здесь, за Уралом, цивилизация сохранилась островками. Почти каждая деревня стояла целой, покосившиеся избы, залатанные заборы, дымки печных труб. Люди выживали за счёт охоты, собирательства и меновой торговли. В некоторых деревнях даже работали генераторы, роскошь, немыслимая для западных земель. Переночевать можно было в любом доме за символическую плату: банка тушёнки, горсть патронов или пара часов работы руками. Я не отказывался от крова, но всегда держал катану под рукой и спал вполглаза. Доверие - это роскошь, которую я больше не мог себе позволить.

Два месяца пути. Две тысячи километров по выжженной земле, через брошенные города и ожившие деревни, через блокпосты мародёров и тихие, вымершие посёлки, где единственными обитателями были мутировавшие собаки. Я шёл, питаюсь тем, что удавалось добыть: консервы из старых схро-

нов, мясо подстреленных зайцев, фильтрованная вода из ручьёв. Моё тело, закалённое тренировками, справлялось с нагрузками играючи. Утяжелители с ног я снял только через месяц после ухода от сенсея и первые дни после этого буквально летел над землёй, не чувствуя собственного веса.

И вот наконец Де-Кастри. Посёлок встретил меня солёным ветром и запахом водорослей. Здесь, на самом краю материка, выжившие обосновались в церкви Святой Ольги Равноапостольной, здании, которое каким-то чудом пережило войну, радиацию и мародёров. Церковь стояла на небольшом холме, возвышаясь над посёлком, словно молчаливый страж. Её деревянные стены были добела выскоблены ветром и солью, а на куполе, к моему изумлению, тускло поблёскивал крест, не снятый, не переплавленный, не осквернённый. Вера здесь была не просто традицией. Она была фундаментом, на котором держалась община.

Встретили меня настороженно, но без враждебности. Трое мужчин в тёплых телогрейках поверх бронежилетов проверили оружие, я предъявил катану и ПМ, после чего расслабились и предложили кров, еду и чистую воду. Я вежливо отказался от трапезы. Не потому что не доверял, просто не хотел быть обязанным. Вместо этого попросил отвести к главному.

Меня провели по длинным коридорам, перестроенным из церковных нефов. Стены здесь были увешаны иконами, частью старыми, потемневшими от времени, частью написан-

ными уже после войны, на грубо обработанных досках. Пахло воском, ладаном и чем-то ещё, наверное, так пахнет надежда. Через пять минут мы остановились у старой деревянной двери, исцарапанной временем. Провожатые попросили подождать снаружи и скрылись за дверью. Я услышал приглушённые голоса, затем шаги, и дверь отворилась. Проводники вышли, пропуская меня внутрь.

- Войдите, - раздался голос, и я шагнул через порог.

Кабинет главы поселения оказался небольшим, но уютным. Полки, заставленные книгами и толстыми тетрадями учёта. Письменный стол из тёмного дерева, на нём керосиновая лампа и старая, потрёпанная Библия. На стенах карты местности с пометками. И посреди всего этого высокий мужчина лет пятидесяти в чёрном церковном одеянии. Его борода была аккуратно подстрижена, а в серых глазах читалась та особая доброта, которая бывает только у людей, прошедших через боль и не сломавшихся. Он улыбался.

- Здравствуй, путник, - произнёс он глубоким, спокойным голосом. - Что тебя привело в наше скромное поселение?

- Здравствуйте, святой отец, - я склонил голову в лёгком поклоне, лихорадочно продумывая легенду. Правду говорить нельзя, кто знает, как здесь относятся к охотникам за головами. - Я прибыл к вам по поручению главы Иркутского поселения. Мне поручено найти группу людей, обвиняемых в зверских убийствах по всему району озера Байкал. Эти преступники должны предстать перед судом.

Ложь далась легко. Слишком легко. Когда-то я запнулся бы, отвёл взгляд, выдал себя неуверенностью в голосе. Теперь же слова лились плавно, а лицо оставалось бесстрастным. Интересно, что бы сказал на это сенсей? «Ложь тоже оружие, ученик. Используй её мудро».

Священник нахмурился, потёр переносицу и подошёл к большой полке с книгами. Достал оттуда небольшую клеёчатую тетрадь, видимо, журнал учёта посетителей.

- Дай-ка вспомнить... - он пролистал несколько страниц, водя пальцем по строкам. - Ага, вот. Полтора года назад к нам действительно приходила группа. Десять человек. Хорошо вооружены, но вели себя прилично, заплатили за постой патронами и медикаментами. Купили у нас последнюю машину, старый уазик, который мы кое-как восстановили, и направились к проливу Невельского. По их словам, там построен мост на Сахалин.

- Мост? - я приподнял бровь. - Через пролив?

- Да, - священник кивнул и перекрестился. - Говорят, его построили года два назад. Кто-то из местных умельцев, с военной техникой и ресурсами. Сам я там не бывал, но странники подтверждают. Мост существует.

- Понял, - я вздохнул, переваривая информацию. Десять человек. Полтора года назад. Значит, у них было время осесть на Сахалине, обрести связями, возможно, даже набрать новых людей. Это усложняло задачу. - А машин у вас, я так понимаю, больше нет?

- Увы, - священник развёл руками. - Остался только небольшой катер. Мы используем его для рыбалки и связи с побережьем. Но... - он вдруг запнулся, прищурился и бросил на меня оценивающий взгляд. - Можно попробовать отправить тебя через море напрямик.

- К чему вы клоните, святой отец?

Он достал из-за стола сложенную в несколько раз карту и жестом подозвал меня. Карта была старая, ещё довоенная, но поверх типографских обозначений кто-то аккуратно нанёс новые пометки: поселения, опасные зоны, источники воды.

- Смотри сюда, - его палец упёрся в точку на побережье. - Если выйдешь из нашего порта и возьмёшь курс строго на восток, то при хорошей погоде через несколько часов будешь на Сахалине. Где-то в районе Александровск-Сахалинского. Это бывший город, сейчас там крупное поселение. Если твои разыскиваемые пошли через пролив, они наверняка проходили через него. Там и спросишь.

Я изучал карту, запоминая ориентиры. План был рискованным, но это всяко быстрее, чем тащиться пешком через весь остров.

- Спасибо, святой отец, - я поднял глаза на священника. - Но позвольте спросить: почему вы так сразу решили помочь мне? Мы незнакомы. Вы не обязаны мне верить.

Он помолчал, глядя куда-то поверх моего плеча. В его глазах мелькнула тень, та самая, которую я видел у многих, переживших потерю.

- Я верю тебе, - сказал он наконец. - Не знаю почему. Наверное, я научился читать людей за эти годы. В твоих глазах нет злобы. только решимость. Если те люди действительно творят зло... что ж, тогда, как сказано в Писании, «Мне отмщение, и Аз воздам». Возможно, ты и есть орудие этого воздаяния. Найди их. И отправь их души на суд Божий.

Я протянул ему руку, и он пожал её крепко, по-мужски, без тени сомнения.

- Спасибо вам. Вы очень мне помогли. Как только закончу с заданием, обязательно вернусь в вашу церковь. Это я обещаю.

Священник улыбнулся, но в его улыбке читалась печальная мудрость человека, знающего цену обещаниям в этом мире.

Вечерело. Закат над морем был неестественно красным, сказывалась взвесь радиоактивной пыли в верхних слоях атмосферы. Мы вчетвером готовили катер к большому заплыву. Потрёпанный «Прогресс-4» выглядел так, будто прошёл через ад и обратно: облупившаяся краска, ржавые подтёки на бортах, латаный-перелатанный тент. Но двигатель работал ровно, а корпус держал воду, что ещё нужно для путешествия по мёртвому морю?

Чтобы не передвигаться по острову пешком, мне выдали горный велосипед, старый, проржавевший во многих местах, но на удивление крепкий. Цепь смазана, покрышки накачаны, переключатели работают. Почти безотказный транспорт,

который не требует топлива и не издаёт лишнего шума. Идеально для скрытного передвижения.

По моим расчётам, если я выплыву сейчас, то доберусь до Сахалина к рассвету. Ночное море, конечно, опасно, не только из-за волн и рифов. Ходили слухи о мутировавших тварях, которые поднимаются из глубин в тёмное время суток. Но другого выхода не было.

Ко мне подошёл священник. Он переоделся в простую тёплую рясу, на плечи набросил старую армейскую плащ-палатку.

- Ну что же, вот и время прощания, - произнёс он негромко. - Удачи тебе, сын мой. Да хранит тебя Господь.

- Спасибо, святой отец, - я скинул с плеч рюкзак, порылся внутри и достал пистолет Макарова, купленный в одной из деревень за три банки тушёнки и горсть патронов. Оставил оружие себе, пригодится. А вот сам рюкзак, набитый консервными банками, протянул священнику. - Возьмите. Здесь в основном консервы. Это моя плата за помощь. Простите, деньгами не богат.

Он хотел было отказаться, но я настоял, буквально вложив лямки рюкзака в его руки. В конце концов, долги нужно возвращать. А я не любил быть должным.

Я забрался в катер, положил катану в ножнах на соседнее сиденье и взялся за штурвал. Двигатель завёлся на удивление быстро, старый мотор тарахтел, но работал уверенно. Отвяжав швартовы, я вывел катер из бухты и взял курс на восток.

Берег позади быстро таял в сгущающихся сумерках. Впереди было только море и тьма.

И неизвестность.

Плавание вышло долгим. Гораздо более долгим, чем я рассчитывал. Компас, найденный в бардачке катера, то ли врал, то ли магнитное поле Земли окончательно сошло с ума после ядерных бомбардировок. Звёзд не было видно за вечной пеленой облаков. Я шёл практически вслепую, ориентируясь лишь по направлению волн и собственной интуиции. Несколько раз мне казалось, что я слышу в темноте плеск, слишком громкий и ритмичный для обычной рыбы. Но разум твердил, что это просто игра воображения, и я убеждал себя в этом, пока на горизонте наконец не забрезжил рассвет.

Утро. Серое, промозглое, с морозящим дождём и туманом над водой. но главное, я видел берег. Настоящий, твёрдый, каменистый берег. Я уже начал думать, что заблудился в этом бесконечном море, и проклинал себя за то, что отдал священнику всю еду. Надо было оставить хотя бы банку сайры. Желудок неприятно напоминал о себе.

До берега оставалось метров двести. Я заглушил мотор, позволив течению медленно нести катер к земле. Достал из кармана куртки небольшой бинокль, трофей, снятый с убитого мародёра ещё на материке, а после поднёс к глазам.

Берег. Песчаная полоса, переходящая в каменистую грядку. Дальше, километрах в двух, угадывались очертания гор, серые коробки домов, ржавые скелеты кранов в пор-

ту, дымки над трубами. Жилые кварталы. А прямо на берегу фигуры людей. Трое. Все в полной военной экипировке: автоматы Калашникова, каски, бронежилеты. Один из них смотрел в бинокль прямо на меня. Я опустил свой бинокль, поднял левую руку и показал большой палец, универсальный знак «я не враг». Секундное замешательство и человек на берегу ответил тем же жестом. Можно приближаться, не опасаясь немедленного расстрела. Хотя автоматы они всё равно держали наготове. И правильно делали.

Катер мягко уткнулся носом в песок в пяти метрах от берега. Дальше мель. Я спрыгнул в ледяную воду, доходившую до колен, закрепил катану с ножами на спине, проверил ПМ за пазухой и побрёл к берегу. Солдаты ждали меня, не опуская оружия.

- Здравия желаю, - произнёс тот, что стоял в центре, судя по нашивкам, старший. - С материка?

- Да. Прибыл из Де-Кастри, - я ступил на твёрдую землю, чувствуя, как дрожат ноги после многочасового плавания. - Ищу одну группу людей. Проходили здесь полтора года назад.

- Много кто здесь проходит, - хмыкнул военный. - Документы есть?

- Документов нет. Есть оружие и голова на плечах, - я позволил себе лёгкую усмешку. - Какая у вас валюта в ходу? Мне бы переночевать и разузнать обстановку.

- Рубли. Монетами. Бумагу не принимаем. истлела почти

вся.

- Рублей нет, - признался я. - А вот катер есть. Там ещё полбака горючего осталось. Купите?

Военные переглянулись. Старший почесал подбородок, бросил взгляд на катер, потом снова на меня.

- Ладно, уговорил. Дам тебе пятьдесят рублей. На них в городе сможешь поесть и номер в гостинице снять на сутки. Бар называется «100 патрон», найдёшь быстро, он в центре, рядом с бывшей администрацией. Там же и гостиница.

- Спасибо, мужики.

Я отдал им катер, получил горсть медных монет, настоящих, с двуглавым орлом, взвалил на плечо велосипед и двинулся в сторону города. Ступни в мокрых ботинках хлюпали, ветер пробирал до костей, но настроение было приподнятым. Я на Сахалине. Я почти у цели.

Александровск-Сахалинский когда-то был красивым городом. Я видел старые фотографии в одной из книг, что хранились у сенсея: белые здания, зелёные скверы, прогулочная набережная. Теперь от бывлой красоты остались только остовы. Но выжившие, обосновавшиеся здесь, сделали невозможное, они превратили руины в нечто функциональное. Целый район был расчищен, укреплен и заселен. Работало электричество, где-то тарахтел генератор. По улицам ходили люди, и, что удивительно, многие улыбались. Среди серых руин кипела жизнь.

А ещё здесь был бордель. Самый настоящий бордель с

красным фонарём над входом и парой девиц, скупающих на крыльце. Увидев меня, они оживились, но я покачал головой и пошёл дальше. Не сейчас. Сначала, информация и отдых.

Бар «100 патрон» нашёлся именно там, где обещали: в центре расчищенного района, в приземистом здании с заколоченными окнами и светящейся вывеской, сделанной из гирлянды и стреляных гильз. Внутри было тепло и шумно. Где-то в углу играла гитара, молодой парень в потрёпанной кожаной куртке наигрывал что-то драматическое. За столами сидели люди: выжившие, торговцы, наёмники. Пахло табаком, жареным мясом и дешёвым алкоголем. Почти как в старом мире. Почти.

Я стянул противогаз и капюшон, встряхнул отросшими волосами и направился к барной стойке. Положил перед собой выдавший виды металлический противогаз, привычка, выработанная за последние годы, никогда не оставлять снаряжение без присмотра. Подозвал бармена, коренастого мужика с руками, покрытыми татуировками, и протянул ему десятку.

- Бутылку мартини, - сказал я, вглядываясь в меню, написанное мелом на грифельной доске. Водка, пиво, виски - всё по рублю. Мартини два рубля. Дорого-богато.

Бармен хмыкнул, но бутылку принёс и даже рюмку поставил чистую. Я налил, вдохнул аромат и едва не зажмурился от удовольствия. Два года без капли спиртного. Сенсей не одобрял алкоголь, «затуманивает разум и замедляет реак-

цию», но сегодня я решил, что заслужил.

Я как раз допивал первую рюмку, когда снаружи послышался шум моторов. К бару подъехала целая колонна: два автобуса и один джип, чёрный, блестящий, явно довоенный, но в идеальном состоянии. Из автобусов высыпала группа людей в полной военной экипировке, каски, бронежилеты, автоматы. Не меньше тридцати человек. Они рассредоточились по периметру, явно привычно и слаженно, словно делали это сотни раз.

Из джипа вышел молодой парень лет двадцати пяти. Высокий, под метр девяносто, с коротко стриженными тёмными волосами. Одет в кожаную куртку, обшитую металлическими накладками и пластинами, явно самодельный, но продуманный доспех. Чёрные джинсы, высокие берцы с ярко-оранжевыми шнурками. Двигался он легко, пружинисто, с той особой уверенностью, которая бывает либо у идиотов, либо у настоящих бойцов.

По бару прокатился шепоток. Люди оживились, заулыбались, некоторые вставали и шли здороваться. Я наклонился к бармену.

- Что за суета?

- «Чернобыль» приехал, - ответил тот с уважением в голосе. - Местная легенда.

- Чернобыль? - переспросил я, но бармен уже отвернулся к новому посетителю.

Брюнет вошёл в бар, и его лицо осветилось улыбкой. Он

приветствовал людей, жал руки, перекидывался парой фраз, всё это с той естественной лёгкостью, которая выдаёт прирождённого лидера. Заметив меня, он на секунду задержался взглядом, потом подошёл к стойке, заказал пиво и сел рядом.

Несколько минут мы сидели молча, он пил пиво, я допивал martini. Потом он повернулся ко мне и заговорил:

- Здарова. Ты с материка, что ли? Я тебя раньше не видел.

Голос у него был открытый, дружелюбный. И улыбка, та самая, обезоруживающая, от которой становилось немного теплее даже в этом промозглом мире.

- Да, с материка, - кивнул я.

- И что тебя сюда привело? Нечасто к нам гости заплывают.

- Ищу одну группу людей, - я допил рюмку и поставил её на стойку. — Они меня предали. Оставили подыхать. Теперь я их разыскиваю.

Брюнет присвистнул, но не выглядел шокированным, скорее заинтересованным.

- Серьёзное заявление. И много их?

- Было десять. Полтора года назад прошли через Де-Кастри, купили машину и направились к проливу. Священник сказал, что на Сахалин вёл мост. Значит, они здесь.

- Ну, Сахалин большой, - парень отхлебнул пива. - Но если они проходили через пролив, то должны были засветиться в системе. Ладно, будем решать проблемы по мере поступления. Кстати, позволь представиться: Даниил Бесщет-

ников. Можно просто Даня. Или Бес. Ну, или «Чернобыль», как меня местные прозвали, - он усмехнулся. - Вообще-то я тот самый парень, который построил мост на материк, зачистил почти все банды на острове и теперь пытаюсь наладить здесь что-то похожее на нормальную жизнь. Получается с переменным успехом, как видишь.

Я на секунду опешил. Мост на материк. Тот самый мост, о котором говорил священник. Это невероятное инженерное сооружение в условиях постапокалипсиса построил этот молодой парень?

- Ничего себе, - только и смог выдавить я. - Да ты реально герой. А сколько тебе лет-то?

- Двадцать пять, а тебе?

- Тридцатник неделю назад стукнул. Отметил в пути банкой тушёнки.

- Ну, тогда за твоё здоровье! - Даня поднял бутылку, я поднял рюмку, и мы чокнулись. - Кстати, а как тебя зовут-то?

- Максим.

- Ну, будем знакомы, Макс.

Следующий час мы провели за разговором и выпивкой. Это было странно, после двух лет одиночества и изоляции я вдруг сидел в баре с незнакомым парнем и болтал так, словно мы знали друг друга сто лет. Даня рассказывал о Сахалине, о том, как он выживал первые годы после войны, как собрал вокруг себя команду и начал наводить порядок. Я рассказывал о сенсее, в общих чертах, без деталей, о своём пу-

тешествии через всю страну. Мы смеялись, спорили о стилях боя и сравнивали шрамы. Его правое предплечье пересекал длинный рубец от ножа. Мои пальцы были в мелких шрамах от бесчисленных тренировок с катаной. Два воина, встретившиеся посреди мёртвого мира. Два одиночки, нашедшие друг в друге что-то знакомое.

Идиллия закончилась, когда дверь бара с грохотом распахнулась. На пороге стояли десять человек, все как на подбор небритой, злобной наружности, в кожаных куртках, с оружием на поясах. Главарь, приземистый, лысый, с кривым шрамом через всю щёку, двинулся прямо к нам, и его маленькие свиные глазки сверкали злобой.

- Эй, слышь, ты, «Чернобыль», - прорычал он, остановившись в двух шагах от Дани. - Ты чё, рамсы попутал? Наше логово грабанул, пацанов положил, а теперь сидишь тут, пиво попиваешь? Не по понятиям это. Щас ты у меня тут, при всей честной публике, на коленях стоять будешь. Извиняться.

Он перевёл взгляд на меня, и его глаза сузились:

- А тебе чё надо, съебись отсюда, пока зубы целы. Это наши разборки, не лезь.

В баре повисла напряжённая тишина. Музыка стихла. Все взгляды были прикованы к нашей троице.

Я медленно, не торопясь, допил остатки мартини и поставил рюмку на стойку. Алкоголь приятно согревал кровь, но не туманил разум. Два года тренировок не прошли даром.

- Мужик, а ты часом не охренел? - произнёс я спокойно. - Мой товарищ тут отдыхает, никого не трогает. А ты врываешься, быкуешь. Не по понятиям это.

- Чё ты сказал, крыса?! - взревел бандит и шагнул ко мне. - Да я тебя...

Он не договорил. Пивная бутылка, пущенная твёрдой рукой Дани, врезалась ему точно в лоб. Звук был такой, будто треснуло переспелое яблоко. Главарь пошатнулся, схватился за лицо, а я уже допил мартини и метнул рюмку в другого бандита, попав тому в переносицу. Хруст. Кровь. Крики.

Драка началась.

Это не было похоже на избиение в подворотне, это был короткий, жестокий и показательный бой. Даня работал в стиле, который я сразу опознал как технику ВДВ: жёсткие удары локтями и коленями, захваты, броски. Тяжёлая, сокрушительная мощь, помноженная на отличную физподготовку. Я же двигался иначе, бесшумно, текуче, используя приёмы ниндзюцу, которые вбивал в меня сенсей. Уклонение, перехват, точечный удар в болевую точку и противник валится, хватая ртом воздух, не в силах пошевелиться. Мы не договаривались о взаимодействии, но действовали удивительно слаженно. Я уходил от удара, Даня тут же вколачивал кулак в открывшегося противника. Он блокировал захват, я обрушивал ребро ладони на шею нападавшего. Всего пять минут и десять бандитов валялись на полу, стена и сплёвывая кровь.

Публика взорвалась аплодисментами. Кто-то свистел, кто-то колотил кружкой по столу. Бармен удовлетворённо кивнул и принялся протирать стойку, словно ничего необычного не произошло. Мы с Даней переглянулись, усмехнулись и вернулись на свои места.

- Неплохо двигаешься, - заметил он, заказывая ещё пива.

- Ты тоже. ВДВ?

- Ага. 8 лет десткого военного клуба. А ты?

- Два года у мастера ниндзюцу. Японец. Настоящий.

- Да ладно?! Думал, японцев не осталось. Дай угадаю, катана за спиной не просто для красоты?

- Именно.

Даня покачал головой и хмыкнул:

- Вот это да. Десантник и ниндзя. Звучит как анекдот.

- Или как начало эпичной истории, - парировал я.

Так мы просидели до самого закрытия бара. Гитарист давно ушёл, посетители разбрелись, бармен начал гасить лампы. Даня проводил меня до гостиницы, не потому что я не мог дойти сам, а потому что ему, кажется, хотелось продолжить разговор. Мы плелись, поддерживая друг друга, заплетающимися языками обсуждая план поиска моих предателей.

- Слушай, - сказал он, когда мы остановились у двери моего номера. - Завтра продолжим. У меня есть связи на острове. Я помогу тебе найти твоих уродов. А ты, если что, можешь мне. Вместе веселее. Идёт?

- Идёт, - кивнул я, кое-как попадая ключом в замочную

скважину. - Завтра. Утром. Встретимся.

- В баре. В полдень. Не проспй, ниндзя.

Он ушёл, а я ввалился в номер, захлопнул дверь и сполз по стене прямо на пол. Ноги не держали. Голова гудела. Перед глазами всё плыло. Но где-то глубоко внутри, под слоем усталости и алкоголя, шевелилось незнакомое чувство. Что-то, похожее на надежду. Или на дружбу. Я уже и забыл, каково это, доверять кому-то настолько, чтобы повернуться спиной.

Завтра будет болеть голова. Завтра будет тяжело. Но завтра у меня появился союзник. А значит, у моих предателей появилась ещё одна причина бояться.

Я закрыл глаза и провалился в сон без сновидений - глубокий, тёмный, как воды Татарского пролива, оставшегося за моей спиной.

Глава 3. Мутанты и ответы на вопросы

Сознание возвращалось медленно, неохотно, словно выталкивая меня из вязкого болота. Голова раскалывалась так, будто по ней всю ночь методично лупили кувалдой. Во рту — вкус пепла и дешёвого алкоголя. Язык прилип к нёбу, шершавый, как наждачная бумага. Каждый удар сердца отдавался в висках тупой, пульсирующей болью. Зачем, ну зачем я столько выпил? Два года без капли спиртного, а тут дорвался до мартини, как подросток до запретного плода. Стыдоба. Сенсей бы отвесил мне подзатыльник и заставил медитиро-

вать в стойке на одной ноге до полного просветления.

Я лежал на полу в коридоре своего номера, прямо там, где рухнул прошлой ночью. Кое-как разлепил глаза. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь грязное окно, резал зрачки, словно осколки стекла. Комната была маленькой, обшарпанной, с выцветшими обоями и продавленной кроватью у стены. Гостиница «Одинокий сталкер» название, видимо, намекало на то, что после ночёвки здесь каждый чувствует себя именно так. Одиноким. И сталкером. И смертельно больным.

Надо найти таблетки. Хотя какие-нибудь. Аспирин, анальгин, цитрамон, что угодно, лишь бы эта адская боль отступила. Я попытался подняться, и желудок тут же скрутило спазмом. Пришлось застыть в полувертикальном положении, привалившись плечом к стене и уговаривая организм не позорить меня окончательно. Ниндзя, блин. Гроза предателей. Напился как сапожник и теперь расплачиваюсь за вчерашнюю бравладу. Хорошо хоть катана на месте. лежит у изголовья кровати, тускло поблёскивая в утреннем свете. Я дополз до неё, коснулся рукояти. Привычный жест. Холод металла немного отрезвлял.

В дверь забарабанили. Громко. Слишком громко. Каждый удар отдавался в черепной коробке новым взрывом боли. Я стиснул зубы и медленно, держась за стену, двинулся к двери. Тот, кто с той стороны, явно не знал, что такое похмелье. Или знал, но ему было плевать. Второй вариант больше по-

ходил на Даниила.

- Здорова! Ну, как ты? - дверь распахнулась, явив мне сияющую физиономию моего нового друга. Он выглядел до отвращения бодрым: свежая рубашка, волосы влажные после умывания, в глазах, искорки неподдельного веселья. Его явно забавляло моё состояние.

- Всё... прекрасно, - выдавил я, сдерживая рвотный позыв. Желудок предательски сжался при виде яркого дневного света за спиной Дани. - Ты чего пришёл-то?

- Так это... Ты сам просил разбудить тебя в десять утра. Сказал: «Разбуди меня в десять, иначе я просплю до вечера». Ну, я и разбудил, - он протянул мне небольшую картонную пачку с таблетками. - Вот, держи. От похмелья. Местный фельдшер делает из трав и каких-то химикатов, работает безотказно. Через полчаса будешь как новенький. Жду на улице.

Он развернулся и ушёл, насвистывая какой-то бодрый мотивчик. Я посмотрел на пачку, потом на своё отражение в мутном зеркале у входа. Оттуда на меня глядел тридцатилетний мужик с красными глазами, трёхдневной щетиной и лицом человека, который прошлой ночью заключил сделку с дьяволом и проиграл. Я вздохнул, проглотил две таблетки, запил водой из фляги и начал снаряжаться.

Через полчаса я действительно почувствовал себя человеком. Таблетки оказались чудодейственными, боль отступила, тошнота прошла, даже мысли в голове перестали путать-

ся. Я надел привычную экипировку: тёмные штаны, усиленные наколенниками, лёгкий бронежилет под курткой, катану за спину, ПМ в кобуру на бедре. Противогаз на пояс, пригодится. Проверил крепления, перекатил плечами, привыкая к весу снаряжения. Тело отозвалось знакомой, почти приятной тяжестью. Вот теперь я был готов к новому дню.

Мы встретились у входа в гостиницу. Я поднял голову, разглядывая вывеску: «Одинокый сталкер», кривые буквы, намалёванные чёрной краской на ржавом листе жести. Рядом примитивный рисунок человека в плаще и с фонарём. Китч, но в этом мире сойдёт и такое. Даня ждал меня, привалившись спиной к фонарному столбу и лениво постукивая пальцами по кобуре.

- Слушай, Дань, - начал я, подходя ближе и понижая голос.
- Я вчера ещё хотел спросить насчёт моего дела. Серьёзно спросить, пока не наклюкался.

Я достал из внутреннего кармана куртки фотографию. Ту самую, которую возил с собой через всю страну. Потёртый снимок, истрёпанные края, выцветшие цвета. Но лица всё ещё различимы. Десять человек, десять предателей. Я протянул фото Даниилу и посмотрел ему прямо в глаза, серьёзно, без тени вчерашнего веселья.

- Ты не встречал этих людей?

Пауза. Даня взял фотографию, поднёс ближе к глазам, вгляделся. Я напрягся, ожидая ответа. И вдруг, он начал смеяться. Негромко, но искренне, запрокинув голову. Мои бро-

ви поползли вверх. Ярость шевельнулась где-то в груди, но я сдержал её. Объясни сначала, потом будешь злиться, сказал я себе.

- Ты чего ржёшь? У меня дело важное, а ты...

- Да погоди, погоди, - он вытер выступившие слёзы, всё ещё улыбаясь. - Ты вчера слишком много выпил. Ты мне этой фотографией весь вечер мозги прожужжал. Раз десять показывал, честное слово. Я уже каждого тут в лицо выучил, хоть сейчас фоторобот составляй.

Я моргнул. Прокрутил в памяти события прошлой ночи и не обнаружил там почти ничего, кроме смутных образов и ощущения, что разговор был долгим и важным. Чёрт. Действительно перебрал.

- Так ты знаешь их? - спросил я, стараясь сохранять спокойствие.

- Не всех. Но одного точно, - Даня ткнул пальцем в мужчину с самого края снимка. Крупный, широкоплечий, с коротким ёжиком светлых волос и тяжёлым взглядом исподлобья. Василий. Бывший сотрудник Федеральной службы охраны. Тот самый, который чуть не разнёс мне голову из дробовика в первые дни хаоса. - Вот этого. Василий. Сейчас он глава одного из поселений в Южно-Сахалинске. Довольно крупного, между прочим. Укреплённый район, своя охрана, система пропусков. Я с ним пару раз пересекался по торговым делам. Мужик жёсткий, но вроде не беспредельщик.

- Ты знаешь, где именно его найти?

- Знаю. Через два дня мы выдвигаемся в Южно-Сахалинск. У меня там дела - переговоры с одним из советов, плюс надо забрать груз медикаментов. Ты, кстати, едешь с нами. Я уже распорядился, чтобы тебе подготовили место в автобусе.

- А остальных не узнаёшь? - я указал на другие лица.

- Нет. Этих я не видел. Но если Василий здесь, значит, и они где-то рядом. Сахалин остров большой, но цивилизованных мест на нём раз-два и обчёлся. Найдём твоих друзей, не переживай.

- Они мне не друзья, - тихо, но отчётливо произнёс я.

- Да понял я, понял, - Даня хлопнул меня по плечу. - Не кипятись.

Я хотел спросить ещё кое-что, почему он вообще решил мне помогать, человеку с материка, которого знает меньше суток, но не успел. Откуда-то со стороны городских стен донёсся крик. Пронзительный, полный животного ужаса, он разрезал утреннюю тишину, как нож.

- ПСИХИ!

Даня мгновенно изменился в лице. Вся весёлость слетела с него, как шелуха. Передо мной стоял уже не балагур и собутыльник, а командир, собранный, жёсткий, с холодным блеском в глазах.

- Так, потом всё обсудим. Сейчас у нас проблемы, - бросил он и быстрым шагом направился к стене, жестом приказав следовать за ним.

Я двинулся следом, на ходу поправляя крепления катаны. Стены, окружавшие жилую зону Александровск-Сахалинского, были внушительным сооружением — четыре метра в высоту, собранные из бетонных блоков, листов ржавой стали и мешков с песком. По верху шёл дощатый настил для дозорных. Сейчас на этом настиле творилось что-то неладное: люди бегали, кричали, заряжали оружие.

- Слушай сюда, - говорил Даня на ходу, не оборачиваясь. - У нас тут монстры водятся. Мы их психами зовём. С виду обычные люди. Мужчины, женщины, иногда даже дети. Но это не люди, понимаешь? Это животные в человеческом обличье. Они не говорят, не думают, не чувствуют боли. У них только один инстинкт: убить и сожрать. Буквально сожрать, живьём, толпой. Вооружены всем, что попадётся под руку: камни, палки, дубины, топоры, арматура. Огнестрела у них нет, слава богу, но числом они берут. Если одна такая тварь до тебя доберётся - это смерть. Если десять, то даже костей не найдут.

Мы подошли к воротам. Тяжёлые створки из сваренных вместе рельсов были уже распахнуты. За ними простиралась широкая полоса выжженной земли, ни травы, ни кустов, только пепел и грязь. А дальше, метрах в трёхстах...

Я достал бинокль, протянутый Даней, и поднёс к глазам. То, что я увидел, заставило кровь похолодеть в жилах.

Огромная толпа. Сотни, может быть, даже тысячи фигур двигались к городу неровным, дёрганым шагом. Некоторые

бежали, спотыкаясь и падая. Другие брели, волоча за собой кто ногу, кто руку, неестественно вывернутые, сломанные, но всё ещё функционирующие. Одежда на них висела лохмотьями, пропитанными грязью и запёкшейся кровью. Некоторые были совершенно голыми, кожа бледная, с синюшным оттенком, покрытая язвами и какими-то чёрными наростами. И самое жуткое, их рты. Из разинутых челюстей текла густая чёрная жижа, тянулась нитями, капала на землю. Глаза пустые, белёсые, лишённые всякого разума, смотрели в никуда.

Я многое повидал. Я видел, как ядерные грибы распускаются над городами. Видел, как люди умирают от лучевой болезни, истекая кровью из всех отверстий. Видел, как мародёры жарят человеческое мясо на кострах. Но это... это было что-то иное. Что-то древнее и первобытное, что-то, чему не место даже в этом разрушенном мире.

- Об их происхождении расскажу после боя, - сказал Даниил, перекрикивая поднявшийся шум. - А сейчас запоминай: бить либо в грудину, либо в голову. Ранения в конечности их не останавливают. Я видел, как псих без обеих рук полз к человеку и грыз ему лодыжки. Большинство выживших пойдёт в рукопашную, в том числе и ты. Мои снайперы будут сверху прикрывать, но патронов мало. Очень мало.

- погоди, - перебил я, - а не разумнее перестрелять их сверху и не рисковать людьми?

— Разумнее. Но, как я уже сказал, с патронами в городе

напряг, — Даня резким движением вытащил катану у меня из-за спины и вложил рукоять мне в ладонь. — Поэтому меч в зубы и вперёд, ниндзя.

Он усмехнулся, но глаза оставались серьёзными. Я сжал рукоять, чувствуя знакомую, успокаивающую тяжесть клинка. Выдохнул, приводя мысли в порядок. Сенсей говорил: «В бою нет страха. Есть только действие и его отсутствие». Я выбирал действие.

Вдоль стены уже выстроилась линия защитников. Человек двадцать, мужчины и пара женщин, все с холодным оружием в руках: топоры, мачете, самодельные копья, заточенные куски арматуры. Лица у всех напряжённые, но решимости в глазах больше, чем страха. Эти люди знали, на что идут. Знали и всё равно стояли здесь.

Даниил вышел вперёд, вскинул руку и рывкнул так, что его голос перекрыл даже нарастающий гул толпы:

- Всем внимание! Стоять насмерть! Строй держать, друг друга не бросать! Снайперам работать по флангам. Остальным ждать команды!

Он достал два армейских ножа, длинные, с зубчатой заточкой на обухе, и встал в центре линии. Я занял позицию справа от него, прикидывая дистанцию до первой волны. Толпа была уже в ста метрах. Восемьдесят. Пятьдесят.

- В атаку!!!

Бойня. Иначе это не назвать.

Первая волна накатила на нас, словно цунами из плоти

и безумия. Я ушёл в боевой транс, то особое состояние, которое сенсей вбивал в меня долгими месяцами тренировок. Мир сузился до узкого коридора, в котором существовали только я, мой клинок и цели. Удар и голова психа, раскроенная от темени до подбородка, разлетается фонтаном чёрной крови. Разворот, катана срезает сразу двоих, проходя через грудные клетки, как через масло. Шаг в сторону, уклонение от занесённой над головой дубины. Выпад, клинок пронзает сердце ещё одной твари. Та падает, но даже на земле продолжает клацать зубами, пытаясь дотянуться до моей ноги. Добиваю ударом в голову.

Их было много. Безумно, нереально много. Они лезли друг через друга, карабкались по трупам своих же сородичей, тянули ко мне руки с обломанными ногтями. Оружие в их руках было примитивным, но оттого не менее смертоносным: заострённые колья, куски водопроводных труб, садовые инструменты. Один раз мне пришлось отбивать удар ржавого топора, клинок выдержал, хотя я ожидал, что лезвие выкрошится. Семейная сталь рода Такахаси не подвела.

Краем сознания я отмечал происходящее вокруг. Даня дрался как берсерк. его ножи мелькали с такой скоростью, что уследить за ними было почти невозможно. Каждый выпад достигал цели. Каждый удар был смертельным. Он не тратил движения впустую, только убивал, убивал и убивал, переходя от одной цели к другой с механической точностью. Его люди держали строй из последних сил. Я видел, как один

из защитников, совсем молодой парень, почти мальчишка, упал под натиском сразу трёх психов. Его товарищ тут же оттащил тело назад, но было поздно. Горло парня было разорвано, кровь толчками выплёскивалась на грязную землю.

Снайперы на стенах работали методично, без суеты. Редкие выстрелы хлопали в утреннем воздухе, каждый патрон на счету, каждый выстрел должен быть смертельным. Они били по самым опасным целям: по психам, которые тащили что-то вроде таранов, по особенно крупным особям, по тем, кто пытался обойти нашу линию с фланга.

Я потерял счёт времени. Руки начали уставать, дыхание сбилось. Катана, ещё недавно сверкавшая чистым металлом, теперь была покрыта слоем чёрной, вязкой крови. Я стряхнул её резким движением, помогло ненадолго. Вокруг меня уже высились горы трупов, но твари всё шли и шли, и казалось, этому потоку не будет конца.

Один из психов, женщина, вернее, то, что когда-то было женщиной, бросилась на меня сбоку, размахивая обломком стула. Я отсёк ей обе руки по локоть. Она даже не замедлилась. Просто открыла рот, из которого потекла чёрная слюна, и попыталась вцепиться зубами в моё плечо. Я отшатнулся, перехватил катану обратным хватом и вонзил клинок ей в основание черепа. Она рухнула. Но даже тогда, лёжа на земле с перебитым позвоночником, она продолжала двигать челюстями - клац, клац, клац - как механическая кукла с переломанным заводом.

Их не останавливала боль. Не останавливали ранения. Они не знали страха, не чувствовали усталости, не поддавались панике. Идеальные солдаты. Идеальные машины для убийства. И единственный способ остановить такую машину, уничтожить мозг или сердце.

Наконец, спустя, как мне показалось, вечность, последний псих упал. Наступила тишина, глубокая, звенящая, нарушаемая только стонами раненых и хриплым дыханием выживших. Я стоял по колено в трупах, сжимая катану обеими руками. Кровь, чёрная, густая, воняющая гнилью и морской солью, покрывала меня с головы до ног. Даже противогаз, висевший на поясе, был забрызган. Дышать становилось всё тяжелее, фильтры забились, и я, резким движением сорвав маску, вдохнул полной грудью.

Воздух был отвратительным: запах крови, разорванных внутренностей и какой-то химической гнили. Но это был воздух. Живой. Настоящий. И я дышал им, пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце.

Одно дело. убивать мародёров и бандитов. Тех, кто сам выбрал путь насилия. Тех, кто заслуживает смерти. Но эти... психи. Они ведь когда-то были людьми. Обычными людьми. Может быть, хорошими людьми. У них были семьи, мечты, страхи, надежды. А теперь они просто мясо. Просто цели. Просто то, что нужно уничтожить, чтобы выжить. От этой мысли становилось не по себе.

Я посмотрел на катану. Чёрная кровь медленно стекала по

лезвию, собираясь каплями на острие. Кап. Кап. Кап. Звук был едва слышным, но в окружающей тишине он казался оглушительным. И, странное дело, именно этот звук начал меня успокаивать. Ритмичный, монотонный, почти медитативный. Кап. Кап. Кап. Дыхание выровнялось. Сердце замедлилось. Мышцы, сведённые судорогой боя, постепенно ослаблялись. Я поднял клинок на уровень глаз, вытер его о лоскут чьей-то одежды и плавным движением вогнал в ножны за спиной. Всё.

- Ну, ты как? - раздался голос сбоку. Даня подошёл, вытирая ножи о штанину. Его лицо было перепачкано кровью, на скуле алела свежая царапина, но в целом он выглядел на удивление бодрым для человека, только что пережившего рукопашную с ордой монстров. - Не ранен?

- Вроде цел, - ответил я, проверяя себя. Так, руки-ноги на месте, кровь на одежде в основном чужая. Бронежилет поймал пару ударов, на пластинах остались вмятины от какой-то дубины, но кости целы. Повезло. - Слушай, объясни мне, откуда эти твари? Что это вообще такое?

Даня помрачнел. Он сунул ножи в ножны на поясе и мотнул головой в сторону города:

- Пошли. Разговор долгий. Лучше не здесь.

Я кивнул и двинулся за ним. Мы прошли через ворота, мимо уставших, но живых защитников. Многие из них смотрели на нас с благодарностью и уважением. Некоторые хлопали по плечам, что-то говорили, я не вслушивался. Мне

нужно было понять. Понять, с чем я столкнулся и к чему готовиться дальше.

Мы шли по улицам поселения, и я впервые нормально разглядел его при дневном свете. Люди здесь жили простой, почти довоенной жизнью: женщины развешивали бельё, мужчины чинили крыши, дети играли с собаками. Всё это выглядело настолько обыденно, что на секунду я забыл о том, что нахожусь в постапокалиптическом мире. Но запах гари от погребальных костров за стеной напоминал о реальности.

Даня привёл меня к зданию, мимо которого я проходил вчера, но не обратил внимания. Двухэтажное, добротно отремонтированное, с красным фонарём над входом и вывеской: «Бронированные трусики». Я замер, перечитал. Потом ещё раз. Это что, шутка? Бордель с таким названием? Я хотел было спросить у Дани, кто даёт имена этим заведениям, но решил, что ответ меня только расстроит. Если встречу этого юмориста — лично набью ему морду этими же трусами.

Внутри оказалось на удивление чисто и прилично. Никакой пошлости, никакой грязи. Мягкий, приглушённый свет керосиновых ламп. Тяжёлые портьеры на окнах. Девушки в откровенных, но не вульгарных нарядах двигались по залу с грацией профессиональных танцовщиц. Мы прошли в большой овальный зал, в центре которого возвышался подиум с шестом, видимо, здесь по вечерам проходили представле-

ния. Вдоль стен стояли кожаные диваны, явно позаимствованные из какого-то мебельного магазина. Даня уверенно направился к дальнему углу, где нас уже ждал накрытый столик: графин с янтарной жидкостью, две стопки, тарелка с вяленным мясом.

- Присаживайся, - он жестом указал на диван и сам рухнул в кресло напротив. Разлил по стопкам коньяк, густой, пахучий, явно из довоенных запасов. - Будешь?

- Нет, спасибо, - я поднял руку. - С меня хватит вчерашнего.

- Да ладно тебе, сто грамм для здоровья. Не пьёшь - не мужик, - подколот он, и я почувствовал, как внутри закипает раздражение. Десантные шуточки, старые как мир. Но спорить было лень, к тому же горло действительно пересохло после боя. Я взял стопку, пригубил. Коньяк обжёг пищевод, разлился теплом в желудке. Язык оценил, хороший, зараза. Лет пятнадцать выдержки, не меньше. Интересно, откуда у него такие запасы?

- Ладно, слушай, - Даня откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. - История эта началась в тот самый день, когда первые бомбы упали на землю. Точнее, даже чуть позже. Мы тогда ещё не знали масштабов катастрофы. Думали, локальный конфликт. Что всё обойдётся. Наивные.

Он помолчал, покрутил стопку в пальцах.

- Франция. Да-да, та самая Франция, которая вроде как была нашим союзником. Когда началась ядерная война, они

решили, что это отличный момент, чтобы нанести удар по нам. Не ядерный, химический. У них была какая-то новая разработка, биологическое оружие нового поколения. Что-то связанное с регенерацией тканей, контролем сознания, не знаю точно. Я не учёный. Суть в том, что они запустили несколько ракет в сторону Сахалина. Но эти любители круасанов, видимо, перепутали координаты или испугались ответного удара. Ракеты упали не на остров, а на Курилы. Аккурат в районе Взморья.

Он сделал паузу, выпил стопку одним глотком и продолжил:

- Я тогда был во Взморье с отцом. На рыбалке. Сидим в лодке, удим камбалу, чай попиваем из термоса. И вдруг, грохот со стороны моря. Глухой, далёкий, но ощутимый. Будто сама земля вздрогнула. Мы переглянулись, достали бинокль. Ни черта не видно. Думали, землетрясение. Решили грести к берегу, пока волны не поднялись. И тут я заметил волну. Огромную. Метров двадцать, не меньше. Шла быстро, со стороны горизонта. Я сразу понял, цунами. Мы были на вёсельной лодке, старой, деревянной. Шансов уйти не было. Ни единого.

Он замолчал. Я видел, как его пальцы сжались на стопке, побелели костяшки. Тема была больной. Очень больной.

- Последнее, что я помню, звоню маме, прощаюсь. Кричу что-то в трубку, а связи уже почти нет, помехи. И всё. Волна накрыла нас.

В зале повисла тишина. Даже девушки на другом конце зала притихли. Я налил ещё по стопке, теперь уже себе и ему, и пододвинул его стакан. Даня посмотрел на меня с молчаливой благодарностью, взял, выпил.

- Очнулся я в лесу. Среди поваленных деревьев, в грязи, весь в синяках и порезах. Отца не нашёл. Вообще никого не нашёл. Добирался до Анивы больше месяца. Хотел спасти маму, верил, что она жива. Что волна не дошла до города. Что она спряталась. Зря верил. Её дом был разрушен. Её самой... в общем, не нашёл. Только сестру смог спасти. Она пряталась в подвале, три дня сидела там, без еды и воды. Но прожила она недолго, умерла у меня на руках. Вот так.

- Соболезную, - тихо сказал я. - Я тоже видел смерть родителей. Ракета из РПГ влетела в окно их квартиры. Прямое попадание. Я нашёл гранатомётчика через два дня. Перерезал ему горло канцелярским ножом. Медленно. Чтобы почувствовал.

Даня поднял на меня глаза и кивнул. Без слов. Мы поняли друг друга.

- А через пять лет после того взрыва, - продолжил он, - появились они. Психи. Выползли прямо из моря, как крабы во время прилива. Сначала поодиночке, потом группами, потом толпами. Мы сначала не поняли, что это. Думали, выжившие с Курил, пострадавшие от радиации и химии. Пытались помогать. Идиоты. Они нападали на всех без разбора. Убивали. Жрали. Мы начали отстреливать. Думали, за месяц

управимся. Перебьём всех и забудем. Трупы закапывали в огромные ямы за городом, по триста-четыре штуки за раз.

- Но проблема не решилась, - предположил я.

- Не решилась. Во-первых, они всё лезли и лезли из моря. Во-вторых... - он сделал паузу. - Трупы начали пускать корни.

- В каком смысле корни?

- В прямом. Самые настоящие корни. Как у растений. Они прорастали из тел в землю, расползались в стороны на десятки метров. Мы не сразу это заметили, потому что корни шли не вверх, а вширь. А потом, спустя неделю после первого массового захоронения, эти твари начали вылезать из могил. Заново. Перерождённые. И они стали умнее. Быстрее. Опаснее.

- Господи, - выдохнул я.

- Именно. Они похватали палки, камни, арматуру, всё, что попало под руку, и двинулись на ближайший посёлок. Я тогда был с группой неподалёку. Приняли сигнал о помощи, выдвинулись. Прибыли в самый разгар. Еле отбились. Потери для того времени были колоссальные: четыреста двадцать пять человек. За один бой. После этого приняли решение сжигать трупы, но это тоже не всегда возможно. Если нет горючего или времени. оставляем так. И тогда они снова прорастают.

- Ни хрена себе, - только и смог сказать я. В голове роились мысли, одна чудовищнее другой. Существа, которые

не умирают окончательно. Которые прорастают, как грибы. Которые становятся умнее после каждой смерти. Что это за оружие создали французы? И куда оно ещё попало, кроме Курил?

- Вот такая хрень, Макс, - Даня допил коньяк и поставил стопку на стол. - Мы здесь живём с этим уже несколько лет. Привыкли. Научились бороться. Но проблема никуда не делась. Психи приходят раз в пару месяцев, иногда чаще. И каждый раз мы теряем людей. Хороших людей. Тех, кто мог бы жить и восстанавливать этот чёртов мир.

- А лекарство? Противоядие? Способ убить их навсегда?

- Нет. Пока нет. Я слышал, что на юге, в Корсакове, какие-то учёные пытаются найти решение. Но связи с ними нет уже полгода. Возможно, их уже нет в живых. Возможно, они нашли что-то важное, но не могут выбраться. Я собираюсь проверить это, когда разберусь с делами в Южно-Сахалинске.

Он встал, потянулся, разминая затёкшие плечи. Затем бросил на стол пять десятирублёвых монет и кивнул в сторону девушек, которые с интересом поглядывали на нас из другого конца зала.

- Ладно, хватит мрачных тем на сегодня. Повеселись с дамами, сбрось стресс после боя. Честное слово, помогает. Я тоже пойду к своей постоянной. Встречаемся завтра утром здесь же.

Он ушёл. лёгкой, пружинистой походкой, словно и не бы-

ло никакого боя. А я остался сидеть, переваривая услышанное. Психи. Корни. Химическое оружие. Франция. Вся эта история звучала как безумный кошмар, но я видел этих тварей собственными глазами. Сражался с ними. Убивал их. И теперь знал: в мире, который я считал дном, открылся новый уровень преисподней.

Но даже это не меняло моей цели. Где-то на этом острове скрывались предатели. И ни психи, ни радиация, ни само чёртово мироздание не остановят меня. Я найду их. Я посмотрю в их глаза, когда они поймут, кто пришёл за ними. И тогда — только тогда — я смогу наконец обрести покой.

Я соскрёб монеты со стола, поднялся и направился к де-вушкам.

— Эй, дамы, не хотите ли вы двое составить мне и моему товарищу компанию?

Две симпатичные брюнетки, явно сёстры, судя по одинаковым чертам лица, переглянулись, улыбнулись и двинулись ко мне. Одна положила руку мне на плечо, вторая игриво коснулась рукояти катаны за спиной:

- Товарищ? Это ты про свой большой меч?

- Именно, — я усмехнулся, чувствуя, как напряжение боя наконец отпускает. - Он у меня очень ласковый. Но только с теми, кто хорошо себя ведёт.

- О, мы будем паиньками, - промурлыкала первая.

И я последовал за ними вверх по лестнице, в комнату с мягкой кроватью и плотными шторами. Завтра будет новый

день. Завтра мы выдвинемся в Южно-Сахалинск. Завтра я стану на шаг ближе к своей мести. Но сегодня, только сегодня, я позволил себе забыться.

Глава 4. Южно-Сахалинск

Неделя. Целых семь дней миновало с того кровавого утра, когда мы стояли плечом к плечу против орды обезумевших тварей. Семь дней, срок вроде бы небольшой, но в мире, где каждый час может стать последним, этого времени хватило, чтобы чужаки стали братьями. Я хорошо сдружился с Даниилом. Настолько хорошо, что теперь называл его просто Бес, сокращённо от фамилии Бесщетников, и это прозвище подходило ему куда больше, чем пафосный «Чернобыль». Бес, потому что в бою он становился настоящим демоном, неуправляемым и беспощадным. Бес, потому что в его глазах, когда он смеялся, плясали те самые озорные искорки, которые обычно приписывают нечистой силе. Бес, потому что только такой человек мог выжить в этом аду, построить мост через пролив и собрать вокруг себя армию.

Он познакомил меня со своей командой. Не просто представил, а ввёл в круг, заставил сидеть с ними за одним столом, есть из одного котла, слушать их байки и рассказывать свои. Поначалу я чувствовал себя чужим. Чужаком среди людей, которые прошли вместе через такое, что мне и не снилось. Но проходили дни, и лёд таял. К моему удивлению, большинство из них в прошлой жизни были военными. Не

просто военными, а профессионалами. Спецназ, ВДВ, морская пехота. Люди, которые знали, с какой стороны братья за автомат, ещё до того, как мир рухнул. В моей же «команде», в той самой, что оставила меня подыхать на бетонном полу ангарского завода, почти все были любителями. Бывшие менеджеры, продавцы, один даже учитель. Они не умели стрелять, не знали тактики боя, боялись вида крови. Я учил их, тратил время, силы, нервы, а они воткнули мне нож в спину при первой же возможности. Теперь-то я понимаю: профессионалы так не поступают. Профессионалы своих не бросают.

Солдаты Беса, однако, всё время пытались всучить мне автомат. Это стало чем-то вроде местной шутки, ритуала, через который, видимо, должен был пройти каждый новичок. Каждый день кто-нибудь из парней подходил ко мне с Калашниковым в руках и с невинным видом спрашивал: «Макс, ну может всё-таки возьмишь? Тяжёлый, зараза, таскать его за тобой». Я неизменно отказывался, похлопывая по рукояти катаны за спиной. Они качали головами, вздыхали и уходили, до следующего дня.

Однажды ночью, когда я спал в казарме, двое особо ретивых бойцов решили провернуть хитрую операцию. План был прост: выкрасть катану из-под подушки и заменить её на новенький АКС-74У, который они специально для этого случая начистили до блеска и перевязали красной ленточкой. Наивные. Я проснулся в тот момент, когда их пальцы кос-

нулись ножен. Дальнейшее сложно описать словами, не вдаваясь в ненормативную лексику. Скажем так: двое взрослых мужиков, прошедших огонь и воду, через десять секунд лежали на полу, скрученные в самые унижительные позы, которые только знало ниндзюцу. Шумели они при этом так, что сбежалась вся база. Наутро Бес лично отчитывал их перед всем городом, громко, смачно, с употреблением такого количества военных терминов и непечатных выражений, что даже бывалые ветераны краснели. Народ хохотал до слёз. С тех пор желающих выкрасть моё оружие не находилось.

Сейчас мы стояли на главной площади Александровск-Сахалинского. Серое небо, как всегда затянутое пленой, моросило мелким противным дождём. Солдаты грузили снаряжение в два автобуса, те самые, на которых мы приехали неделю назад. Кто-то таскал ящики с патронами, кто-то проверял крепления дополнительных топливных баков на крыше. Суета, крики, мат, привычная симфония военных сборов. Я стоял у джипа Дани и ждал, пока он закончит разговор с местным начальством.

Мэр Александровск-Сахалинского, невысокий, лысоватый мужичок в потёртом пальто, передал Бесу небольшой свёрток, обмотанный коричневой бумагой и перевязанный бечёвкой. Они обменялись парой фраз, после чего мэр кивнул и торопливо засеменил обратно к зданию мэрии. Даня развернулся и направился ко мне, на ходу засовывая свёрток в карман.

- Ну что, народ, по машинам! - крикнул он, и его голос перекрыл шум площади. Макс, Стас и Миша, едете со мной. Остальные по автобусам. Выдвигаемся через пять минут.

Размышлять о том, о каком Максе идёт речь, не стоило. Я был единственным с таким именем в отряде. Подхватив рюкзак, я подошёл к джипу и начал грузить свои немногие пожитки в багажник.

За эту неделю Даня решил приодеть меня. Не то чтобы я просил, скорее, он настоял. В первый же день после нашей попойки он окинул меня критическим взглядом и заявил: «Ты, конечно, ниндзя, но броня ниндзя не помешает. У нас тут не феодальная Япония, у нас тут пули летают». Теперь под моей курткой красовался лёгкий бронежилет — из тех, что используют штурмовики: кевларовые пластины, способные остановить пулю калибра девять миллиметров. Не тяжёлый, движений не сковывает, а чувствуешь себя куда увереннее. Кроме того, он раздобыл где-то комплект армейских наплечных щитков, небольшие, но прочные, они прикрывали плечи от рубящих ударов. Я закрепил их поверх куртки и остался доволен. Выглядело внушительно, но не громоздко. Как раз то, что нужно для скрытного боя.

Я как раз утрамбовывал рюкзак в багажник, когда сзади подошёл Бес.

- Слушай, Макс, - он хлопнул меня по плечу. - Дай-ка взглянуть твой противогаз.

- Да конечно, - я пожал плечами, достал из бокового кар-

мана рюкзака старенький ПМК-2 и протянул ему. Противогоаз был выдавшим виды: резина потрескалась, стёкла запотевали, но он всё ещё выполнял свою функцию. Я таскал его с собой через всю страну, привычка, от которой трудно избавиться. На материке без противогоаза было нельзя.

Даня взял его в руки, повертел, разглядывая со всех сторон с таким видом, будто перед ним был не противогоаз, а музейный экспонат.

- А зачем он тебе... - начал было я, но не успел договорить.

Одним резким движением Бес размахнулся и зашвырнул противогоаз далеко за пределы лагеря. Я проследил взглядом за дугой, которую описала резиновая маска, и услышал, как она шлёпнулась где-то в кустах за стеной.

- Эй! - возмутился я. - Ты чего творишь?!

- Вот, держи, - вместо ответа он сунул мне в руки тот самый свёрток, который передал мэр. - Здесь, на острове, тебе противогоаз не нужен. Воздух чистый, ну, насколько это вообще возможно в нашем мире. Радиационный фон в норме, химических примесей нет. А лицо, если хочешь скрыть, скроешь вот этим.

Я посмотрел на свёрток. Потом на Даню. Потом снова на свёрток. Аккуратно, почти благоговейно, начал разворачивать бумагу, чувствуя, как внутри закипает любопытство.

То, что я увидел, заставило меня замереть.

В свёртке лежала маска. Но не какая-нибудь тряпичная повязка или балаклава. Это было произведение искусства.

Основа — плотная, но гибкая ткань глубокого чёрного цвета, усиленная керамическими вставками на скулах и лбу. Нижняя часть закрывала подбородок и шею, оставляя открытыми только глаза. Прорези для глаз были снабжены тонкой металлической сеткой, которая не мешала обзору, но скрывала выражение. А на лбу, прямо по центру, темнел вышитый серебряной нитью иероглиф. Я присмотрелся. «Смерть». Или «мёртвый». Или «тот, кто приносит смерть». Сенсей учил меня кандзи, но некоторые символы имели множество значений. В любом случае, посыл был ясен.

- Эта маска была сделана по спецзаказу у здешнего мастера, - сказал Даня, с явным удовольствием наблюдая за моей реакцией. - Я как-то ходил по заброшенным квартирам, искал полезные вещи, и там нашёл небольшой эскиз. Он порядком выцвел, бумага почти рассыпалась, но разобрать, что там нарисовано, было можно. Какой-то отаку жил в той квартире, весь стол был завален комиксами и рисунками. Ну, я эскиз забрал, показал местному умельцу, мы добавили пару своих фишек и вуаля, идеальная маска для ниндзя! Да примерь ты уже, что стоишь как вкопанный? Столько сил угробили, вдруг не подойдёт?

Я медленно, словно боясь повредить, поднёс маску к лицу. Закрепил ремешки на затылке. Маска села идеально, как вторая кожа. Нигде не давило, не тёрло. Ремни не ощущались совершенно. Я повернулся к боковому зеркалу джипа и застыл, не в силах отвести взгляд.

Из зеркала на меня смотрел демон. Нет, не демон — сама смерть. Чёрное лицо с керамическими скулами, серебряный иероглиф на лбу, тёмные провалы глаз за металлической сеткой. Сверху, капюшон, накинутый на голову. Я медленно повернул голову влево, вправо. Ничего не мешало обзору. Дыхание было свободным, ткань не затрудняла движений челюсти. Я попробовал заговорить, голос звучал немного глухо, но разборчиво.

- Воу, - только и смог выдавить я. - Это... это просто невероятно.

- Это ещё не всё! - радостно затараторил Даня, явно гордясь собой. - Смотри сюда. Видишь маленькую кнопку с правой стороны?

Я нащупал кнопку, нажал. Из верхней части правой глазной прорези бесшумно выдвинулось небольшое увеличительное стекло, закрывшее правый глаз. Оптический прицел, встроенный прямо в маску. Я посмотрел на дальний конец улицы, изображение было чётким, увеличение примерно трёх-четырёх кратное.

- А теперь надави вот здесь, - Даня указал на незаметную пластину в районе виска.

Я надавил. И маска засветилась. Тонкие оптоволоконные нити, вшитые в ткань, вспыхнули призрачным красноватым светом, очерчивая контуры иероглифа и прорезей для глаз. Эффект был жутким. В зеркале я увидел, как лицо демона налилось адским багровым свечением. Представьте: вы си-

дите в своём убежище, думаете, что вы в безопасности, и вдруг из темноты на вас надвигается это. С красными глазами. С иероглифом «смерть» на лбу. Беззвучно. Неотврати-мо.

- Ну, что скажешь? - Бес сложил руки на груди и ухмыль-нулся.

- Даня... - я медленно повернулся к нему, не снимая маски, и он чуть отшатнулся. - Если бы ты был моим врагом, ты бы уже обделался.

- Вот и отлично! - расхохотался он. - Потому что твои вра-ги, Макс, находятся где-то здесь, на этом острове. И я хочу увидеть их лица, когда этот демон придёт за ними.

Я снял маску, аккуратно, бережно, словно величайшую драгоценность, убрал в специальный карман на поясе. Ва-силий точно в штаны надевает, когда за его душой явится самый устрашающий ниндзя в истории. Это будет весело. Очень весело.

- Значит так, - Бес хлопнул в ладоши, привлекая внимание всех, кто был рядом. Мы уже расселись по машинам: я, Стас и Миша, в джипе, остальные в автобусах. Едем через перевал до Тымовского. Там небольшая дозаправка, у нас там схрон с горючим и провизией. Затем, не останавливаясь, полным ходом до Южно-Сахалинска. Ехать долго, дороги разбитые, но, если не будет задержек, за шестнадцать часов доберёмся. Вопросы? Макс, понятно?

- В принципе, да, - кивнул я, усаживаясь на пассажирское

сиденье. - Если что, будем меняться за рулём. Я тоже умею водить.

- Вот и хорошо, - Даня улыбнулся, достал из своего рюкзака небольшую книгу в потрёпанном кожаном переплёте и протянул мне. - Держи. Здесь очень подробная карта всего острова. Каждая дорога, каждая деревня, каждый блокпост. Сиди и учи. В Поронайске будет остановка, устрою тебе проверку. И маску сними, а то пугаешь.

Я взял книгу, взвесил в руке. Тяжёлая. Страниц триста, не меньше, и все заполнены картами и пометками от руки. Кто-то проделал колоссальную работу. Я открыл первую страницу и увидел надпись: «Составлено разведгруппой "Бета". 2025 год. Для внутреннего пользования». Ниже — схематическая карта Сахалина, на которой были отмечены все известные поселения, источники воды, опасные зоны и пути миграции психов.

- Понял, «мам», - сказал я с улыбкой, за что немедленно получил подзатыльник. Пассажиры на заднем сиденье дружно рассмеялись, а джип, взревев мотором, начал движение.

- Ка-а-ак же ску-у-учно! - Бес растянулся на пассажирском сиденье, закинув ноги на приборную панель и картинно закатив глаза. - Никогда не любил долгие поездки. Это худшее, что есть в нашей работе. Хуже психов. Хуже бандитов. Хуже радиации.

- Ну, ты же сам решил, что после Поронайска мы не бу-

дем останавливаться, - заметил я, крутя баранку и аккуратно объезжая очередной ржавый остов машины, застывший посреди дороги. Мы ехали уже двенадцать часов. Пейзаж за окном давно превратился в однообразную серую ленту: сгоревшие леса, развалины деревень, поля, заросшие мутировавшим бурьяном. - Если я правильно помню карту, до Южно-Сахалинска осталось около часа езды. Потерпи.

- Я всё ещё удивляюсь, как ты смог выучить такую подробную карту за какие-то двенадцать часов, - подал голос с заднего сиденья Миша.

Миша Хвостов. Я покосился на него в зеркало заднего вида. Крепкий парень лет тридцати, старый друг Беса. Светлые, почти белые волосы - редкость в наше время, когда большинство людей ходили с тёмными, грязными патлами. Чёрные, как смоль, глаза, которые, казалось, видели всё и вся. И громадный шрам, пересекающий лицо от левого виска до правого угла челюсти, след от ножа, полученный ещё до войны. Он никогда не расставался со своим АК-12, на котором красовались трёхкратный прицел и тактическая рукоять. Оружие было ухоженным, почти любовно вычищенным, Миша относился к нему как к живому существу.

Сам по себе он был человеком весёлым, душой компании. Но во время нападения психов, когда я мельком встретился с ним взглядом в разгар боя, я увидел совсем другого человека. Его глаза тогда были пустыми, холодными, лишёнными всяких эмоций. Взгляд человека, который прошёл через ад и

вернулся обратно. Взгляд человека, для которого эта резня была обычным делом. Что, в общем-то, было правдой.

- Конечно, выучил, - отозвался я, не отрывая взгляда от дороги. - Ниндзя готовят быстро принимать и запоминать информацию. Сенсей мог разбудить меня посреди ночи, показать страницу с текстом на минуту, а потом потребовать пересказать слово в слово. Ошибаешься, получаешь тростью по спине. Быстро учишься быть внимательным.

- Хорошая тренировка, — хмыкнул Стас, самый старший в отряде.

Станислав Петрович, пятьдесят семь лет. До войны работал прорабом на стройке в Южно-Сахалинске. Когда начались бомбёжки, перебрался в Аниву, родной город Даниила, где и прибил к молодому тогда ещё отряду Беса. С тех пор прошло десять лет, а Стас всё ещё здесь. Его лицо, обветренное и покрытое сеткой глубоких морщин, напоминало карту местности. Руки, огромные и мозолистые, привыкли держать не только мастерок, но и автомат. Он был голосом разума в отряде и единственным, кого Даня слушался беспрекословно.

- Я ведь прав, Максим?

- Абсолютно правы, дядь Стас, - ответил я, поправляя зеркало. - Хотя память у меня была хорошей и до обучения. Из-за этого я смог сдать выпускные экзамены в школе, почти не готовясь. Учителя удивлялись. А уж когда сенсей взялся за меня, я стал запоминать вообще всё подряд. Иногда это

проклятие, помнишь такое, что лучше бы забыть.

- Ну, сколько раз я тебе говорил не называть меня дядей? — проворчал Стас, но в его голосе не было злости. - Просто Стас. Или Станислав Петрович, если хочешь официально.

- Извините, - я виновато улыбнулся, хотя он не мог видеть моего лица. - Так уж воспитан. Это привычка, с которой трудно бороться. Я даже когда познакомился с Фудо-сенсеем, моим учителем, первое время называл его дядей. А потом хорошенько так получил от него пиздюлей и всё как рукой сняло.

- Может, и мне тебе пиздюлей отвесить? - предложил Стас с усмешкой.

- Не-не-не, - замотал я головой, не отрывая рук от руля. - Я же за рулём! Разобьёмся к чёртовой матери!

- Да я шучу, - рассмеялся Стас, и его смех эхом разнёсся по салону.

Так мы и ехали, весело, дружно, постоянно травя анекдоты и вспоминая старые байки. Даже Бес перестал ныть о том, что ему скучно, и включился в разговор, рассказав пару историй из своего детства. Оказывается, до войны он хотел стать пилотом. Летать. В небе. Я представил его за штурвалом истребителя и рассмеялся. Нет, этот человек был рождён для земли. Для грязи. Для рукопашной. Для того, чтобы вести людей в бой.

Мы и не заметили, как добрались до Южно-Сахалинска. Город встретил нас мёртвой тишиной и силуэтами разру-

шенных зданий на фоне закатного неба. Когда-то это был крупный областной центр, с театрами, парками, шумными проспектами. Теперь от бывшего величия остались только остовы. Но, в отличие от многих других городов, которые я видел на своём пути, здесь теплилась жизнь. В окнах кое-где горел свет. По улицам двигались патрули. На перекрёстках стояли бетонные блокпосты, обмотанные колючей проволокой. Южно-Сахалинск сражался за своё существование и пока что побеждал.

Даниил достал карту из бардачка, развернул нужную страницу и ткнул пальцем в точку на схеме.

- Вот, через три квартала будет военная база. Там командует мой хороший знакомый. Там и остановимся.

- Понял, едем к военным, - кивнул я, поворачивая руль. - Надеюсь, по нам стрелять не будут. Не будут же?

- Да не ссы ты, - хмыкнул Бес. - Нас там знают. Командир базы - мой бывший учитель, между прочим. Полковник Станислав Анатольевич Калентьев. Жёсткий мужик, но справедливый. Он меня с тринадцати лет гонял. Многим я ему обязан.

- Ничего себе, - присвистнул я. - Тебя реально все знают на этом острове. Не удивлюсь, если ты ещё и с Путиным был знаком.

- Нет, с Путиным не знаком, он мне только компьютер однажды дарил, дорогой сука - отмахнулся Даня. - А теперь надевай маску. Попугаем солдатиков на блокпосту. Будет ве-

село.

- Я тебя понял, - сказал я, и на моём лице, к счастью, скрытом под маской, расплылась та самая ужасающая улыбка, которую обычно видит жертва за секунду до удара. Я натянул капюшон, быстрыми, отработанными движениями закрепил ремни маски на затылке и нажал кнопку подсветки. Красноватое сияние озарило салон джипа. Миша на заднем сиденье присвистнул.

- Ну и жуть. Не хотел бы я встретить тебя в тёмном переулке.

- Поэтому ты сидишь в машине, а не в переулке, - резонно заметил я.

Джип вывернул из-за угла и покатился к блокпосту.

- Всё не так плохо.

- Не так плохо?! - взревел я, подскакивая с холодного бетонного пола, на котором просидел последние полчаса.

Вам, наверное, интересно, почему я тут ору и отчего вся наша компания оказалась за решёткой. Что ж, история короткая и позорная. Из-за нас, а точнее, из-за меня и моей маски, два солдата на блокпосту словили инфаркт. Самый настоящий инфаркт. Сердце. Остановка. Мы даже опомниться не успели, как наш джип окружили два десятка вооружённых людей с перекошенными от ужаса и ярости лицами. Нас выволокли из машины, обыскали с ног до головы, изъяли всё оружие, включая мою катану, которую я отдал,

скрепя сердце, и препроводили в местную военную тюрьму. Обычную камеру с бетонными стенами, железной дверью и запахом плесени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.